

Нас, мальчишек, тянуло на «подвиги»...

ровые, детвора все больше по домам сидела. Но городской каток, который заливали на стадионе, притягивал даже в стужу. Там играла модная музыка, там все встречались и целыми вечерами раскатывали туда-сюда под светом нескольких тусклых лампочек. Впрочем, даже школа с ее обязателькой не оставила во мне каких-то грустных и неприятных впечатлений. Учителя особенно не допекали, и никаких школьных обид я не припомню. Отцы у большинства ребят были прошедшие войну крутые мужики, фронтовики. (Я, кстати, тоже

В семье порядки были демократичные: ремнем меня, например, никогда не били. И это несмотря на то, что любимым моим занятием было лазить по огородам. Ну что нам, пацанам, было надо? Сорвать пару яблок да выкопать морковки. И не потому, что хотелось морковки погрызть: просто энергия переполняла, надо было тратить, вот и тянуло на «подвиги». Можно было «разрядиться» организованно: при школе работали какие-то кружки — авиамodelистов, фотографов... Но я никогда туда не ходил: нравилось быть самому по себе.

В музыкальную школу меня привела мама. В Молодечно существовала единственная музыкальная школа, и все родители, желавшие, чтобы их дети росли и воспитывались «культурно», отдавали своих детей туда потому, что других «культурных» мест просто не было. Пианино и скрипка в наших местах особой популярностью не пользовались. Детей обучали этим инструментам, но предпочтение было за баяном и аккордеоном. Аккордеоны тогда повезли из-за границы. Раздобыть такой трофей считалось особым шиком: отец привез с войны целых два. Для моей сестры Жанны этот инструмент стал делом жизни: сейчас она живет в Минске и работает преподавателем игры на аккордеоне. Я тоже начал с аккордеона. Хотя позже, в музыкальном училище, аккордеоны запретили, и мне, поступавшему именно на него, пришлось переучиваться на баян. А потом, на четвертом курсе, аккордеон снова разрешили, и я опять подался в аккордеонисты.

Ходить в музыкальную школу, таская за спиной тяжелый инструмент, было не особенно приятно. Часто сворачивал с дороги, заруливая на какую-нибудь стройку. Тогда я ничего не сочинял, просто играл что-то, что считалось модным и просто нравилось. Но строителем все-таки не сделался.

Как, впрочем, и рыбаком, хотя очень любил реку и рыбалку. Уша у нас была вся заросшая камышами. Рыбу ловили на удочку, раков — руками. Были у нас такие отважные пацаны, которые ныряли на дно и без страха засовывали руки под всякие коряги, дупла, поваленные деревья. Хотя в Уше не только ужи, но и гадюки встречались. Я тоже раками увлекался, но только однажды из-под какой-то коряги меня водяная крыса цапнула. После этого — все, остыл.

Записала Ольга ЧЕРНЕНКО.

Новый год в Молодечно: все начиналось с гармошки

ЮРИЙ АНТОНОВ — станции- нарный ХУЛИГАН

Семья фронтовика: дети — Юра (слева) и Жанна (справа) — оба стали музыкантами

Не могу пожаловаться на детство. Несмотря на то, что я был ребенком послевоенного времени. Это в крупных городах народ ютился по коммуналкам, а в нашем Молодечно, небольшом белорусском городке, люди жили в основном в своих домах и квартирах. Отец мой был военнослужащим. Исправно получал зарплату, лайки военные. Не помню, чтобы родители меня как-нибудь особенно воспитывали. У отца на это и времени-то не было: работал с утра до вечера в военкомате. Когда наступали выходные, человек двадцать офицеров, их жены и дети садились в машины и ехали в какое-нибудь красивое место. Магнитофонов тогда не было, с собой брали солдата-баяниста. Каждое семейство припасало что-то из еды для общего котла. Самой веселой и заводной считалась семья полковника-военкома. Сам украинец да еще жена наполовину цыганка, он был заводилой и душой компании. Любил выпить, закутить, ну и соответственно задавал тон в этом деле. Взрослые пили водку, закусывали, солдат играл, все танцевали. Мы же, мальчишки, вертелись рядом или просто бегали, довольные, что не надо думать об уроках. В таком ритме жили от Октябрьской революции до Нового

года, а там уже 8 марта на подходе и праздник Дня Победы. Эти знаменательные дни обставлялись у нас так, как по всей стране: водкой и закуской. Разносолов особенных не перепало. Это в Москве там красная икра была, деликатесы из «Елисейского». А у нас для детворы — пломбир и сливочное, подушечки да леденцы. Зато в семьях делали фантастические торты: таких «Наполеонов» сейчас уже нигде не попробуешь — отвечаю за свои слова.

Интересы ребятни моего детства лежали примерно в двух плоскостях: одни сидели дома, читали книжки и занимались математикой, другие жгли костры и лазили по огородам. Я был другим. У меня были свои главные вещи в жизни — это наш городской парк, наша местная гора Лысица и речка Уша. Парк был прекрасным местом для гулянья, на горе было много уютных оврагов и впадин для наших мальчишеских посиделок, а на речку мы бегали ловить рыбу. Девочки меня тогда мало интересовали: романтика печенной на Лысице картошки была во сто раз притягательней. Первая девочка появилась у меня уже тогда, когда я поступил в музыкальное училище там же, в Молодечно. Зимы в наших краях выдавались су-

Папа с сыном при новых пиджаках

мечтал стать военным, даже позднее поступал в суворовское училище, но не приняли.) Мой отец четыре года воевал, вошел в Берлин. Что там учителя: попробовал бы кто обидеть ребенка — на куски разорвали бы! Хотя, с другой стороны, сам я, наверно, не был ангелом: имел «четверку» по поведению. В советской школе это уже означало не просто хулиган, а хулиган стационарный.

Все баяны детства затмила гитара